

Словарь языка Пушкина в четырех томах. Т. II. 3 — Н. Сост. С. И. Бернштейн, А. Д. Григорьева, И. С. Ильичская, В. Д. Лесин, В. А. Плотникова, В. Н. Сидоров. Ред. тома В. Н. Сидоров. — М., Гос. изд-во иностр. и нап. словарей, 1957. 896 стр. (Ив-т языкознания АН СССР).

Второй том «Словаря языка Пушкина» составлен по тем же принципам, что и первый. В целях облегчения пользования словарем в оформлении статей внесены лишь некоторые изменения полиграфического характера. Лексический материал по-прежнему представлен с исчерпывающей полнотой. В перечне словоупотребления, как и в I томе, даны ссылки на все места употребления того или иного слова в текстах Пушкина, за исключением некоторых служебных слов, число употребления которых слишком велико. В словаре напisi отражены немногие, чисто языковые изменения в пушкинских текстах, явившиеся результатом новых прочтений рукописей поэта уже после выхода «большого» академического издания сочинений Пушкина.

Не ставя своей целью дать общую оценку словаря¹, ограничусь рядом отдельных замечаний. Укажу на пробелы и неточности, имеющиеся в некоторых словарных статьях.

Слово *каменщик* показано только в одном значении («рабочий, специалист по каменной, кирпичной кладке»), тогда как у Пушкина оно встречается еще в значении «член мasonicкой ложи» в стихотворении, обращенном к генералу П. С. Пушкину, основателю мasonicкой ложи в Кипсинове: «Хвалю тебя, о верный брат! О каменщик почтенный!»

В статье *места* не показано фразеологическое сочетание *места улицу* — оказываются «без средств к существованию», «не имея пристанища, скитаться по улицам»: «Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою» («Станционный смотритель»).

В ряду примеров, иллюстрирующих употребление слова *мощи* в значении «останки, прах людей», приведена цитата: «Вот мой совет: во Кремль святые мощи Перенести» («Борис Годунов»). Но здесь слово *мощи* имеет религиозно-культурное значение: «останки людей, почитаемых церковью святыми». Значение это следовало бы указать.

В статье *карантин* первое значение этого слова «изоляция лиц, перенесших заразную болезнь или приехавших из зараженной местности» иллюстрировано примером «Попали в честь тогда Орловы, А дед мой в крепость, в карантин, И присмирел наш род суровый» («Моя родословная»). Но здесь слово *карантин* употреблено в переносном значении.

В статье *невежда* употребление этого слова в утраченном теперь значении «неопытный, неиспорченный юноша» показано только в составе фразеологических сочетаний «невежда сердцем, душой», тогда как оно употреблялось и вне фразеологических сочетаний: «Быть может (лестная надежда!), Укажет будущий невежда На мой прославленный портрет, И молвит: то-то был Поэт! Прими ж мои благодаренья, Поклонник мирных Аонид...» («Евгений Онегин, II, 40»).

Одна из задач «Словаря языка Пушкина», как сказано в предисловии к первому тому, — быть «ключом к правильному пониманию текста пушкинских произведений». В соответствии с этой задачей важную роль играет толкование слов, значение которых в языке Пушкина отлично от того, какое они имеют теперь. Толкования, приводимые в словаре, очень кратки, но вполне удовлетворяют читателя. Например: *Зрак* — «образ»: «Москва, сколь Русскому твой зрак унылый страшен!» («Воспоминания в Царском селе», о пожаре Москвы в 1812 г.). *Мечтанье* — «сновидение, видение, призрак»: «...она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут укаские мечтанья поминутно ее пробуждали» («Метель»). *Наездник* — «верховой воин, совершающий набег на неприятеля один или в составе конных отрядов»: «Граф послал Пуцина осмолить овраг... Турки приняли его за наездника и дали по нем залп» («Путешествие в Арзрум»).

Однако краткость определений значения некоторых слов, связанных с предметами и понятиями, исчезнувшими из нашего быта, оказывает читателю недостаточную помощь в правильном понимании пушкинских текстов. Не требуя от «Словаря языка Пушкина» справок, даваемых словарем энциклопедическим или реальным комментарием, все же хотелось бы видеть определения этой категории слов более расширенными.

Например, значение слова *заря* определено: «полевая трава из семейства зонтичных» и иллюстрировано цитатой: «В день Троицы, когда народ, Зевая слушает молебн, Умилно на пучок зари Они роняли слезки три» («Евгений Онегин», II, 35). Против так кратко ботаническое определение, современный читатель не поймет, почему помещики Ларины во время молебна роняют слезы на пучок полевой травы. Только

¹ Общая оценка дана в обстоятельных рецензиях на первый том Ю. С. Сорокина (ВЯ, 1957, № 5) и Р. Р. Гельгардта (ИАН ОЛН, 1957, вып. 4).

² Ср. у Лермонтова в «Маскараде»: «Видал я много юношей, надежд И чувства полных, счастливых невежд В науке жизни... пламенных душою...» (д. I, сп. 4). «За вас отдам я счастье невежды, Беспечность и покой — не для меня!» (д. II, сп. 2).

зная о том, что в старину существовал обычай обметать троюцкими цветами могилы родителей, можно понять текст Пушкина: слезы вызваны воспоминаниями об умерших родителях¹. Поэтому значение слова *заря* можно бы определить примерно так: «любисток — травянистое растение с желтоватыми цветами, лучками которого в троюцный день, по народному обычаю, обметали могилы родителей».

В статье камергерский фразеологическое сочетание *камергерский ключ* объяснено: «отличительный знак звания камергера — ключ на голубой ленте» и иллюстрировано цитатой: «В себе все блага заключая, Ты наконец к ключам от рай Привяжешь камергерский ключ» («Послание к А. И. Тургеневу»). Объяснение это следовало бы уточнить и, расширив, сформулировать так: «Отличительный знак звания камергера — золотой ключ на голубой ленте, прикрепленной к пуговице на левой фалде мундира». Только такое (или подобное) толкование раскроет читателю смысл шуточных стихов Пушкина в письме к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер...»).

Значение слова *монастырка* истолковано: «воспитанница Смольного монастыря в Петербурге (где воспитывались девушки-дворянки)» и иллюстрировано цитатой: «Не любить деревня простиительно монастырке, только что выпущенной из клетки» («Роман в письмах»). Из этого объяснения читатель может понять, что монастырками называли девушек-дворянок, воспитывавшихся в монастыре монахинями, как это практиковалось в Западной Европе. Но в России такого обычая не было. Пушкин говорит о воспитаннице Смольного института в Петербурге. Институт этот, учрежденный в 1764 г. (официальное название его было: «Императорское воспитательное общество благородных девиц»), первоначально помещался в здании, начатом постройкой при Елизавете Петровне (на месте бывшего при Петре I «Смольного двора») и предназначавшемся для женского Смольного монастыря. Здание, законченное при Екатерине II, было приспособлено для Института. Желая все же исполнить и волю Елизаветы Петровны, Екатерина основала небольшую общину монахинь, поместив ее в том же здании, но совершенно обособленно от Института. В 1808 г. институт был переведен в новое здание (постройки Кваренги), где и находился до Октября 1917 г. Тем не менее в быту институт часто называли «Смольным монастырем» и за воспитанницами его укрепилось название «монастырок» (или «смолянок»)². Поэтому значение слова «монастырка» следовало бы определить так: «воспитанница петербургского Смольного института (где воспитывались девушки-дворянки), в быту называвшегося Смольным монастырем».

Попутно отмечу, что в статье *монастырь* не указано одно из значений этого слова: «закрyтое женское учебное заведение при католическом монастыре». Именно такое значение это слово имеет в 1-й главе повести «Арап Петра Великого», где говорится о французской графине Д.: «17 лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить...»

Все сделанные замечания о неполноте и неточности толкований слов в некоторых статьях второго тома несколько не могут умалять его несомненных достоинств.

Н. С. Ашукин

С. С. Майзель. *Изафет в турецком языке*. Ред., предисл. и примеч. А. Н. Ковнова. — М. — Л., Изд-во АН СССР, 1957. 186 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР).

Во всех тюркских языках, и в турецком в том числе, имеются «однотипные определенные словосочетания имен существительных, которые в турецких грамматиках принято называть арабским термином «изафет». Подробное специальное исследование определенных, или «изафетных», словосочетаний в турецком языке появляется впервые, и в этом несомненная заслуга безвременно скончавшегося С. С. Майзеля.

Во «Введении» (стр. 7—9) автор сообщает, что исследование изафетных словосочетаний он ограничивает рамками современного турецкого языка и воздерживается от «сравнения с аналогичными явлениями в других тюркских языках» (стр. 9); в методи-

¹ Об обычае обметать в Троюцный день «гробы родителей, чтобы прочистить им глаза» Пушкин рассказывал этнографу И. М. Снегиреву (Н. О. Лернер, Заметки о Пушкине, «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», вып. XVI, СПб., 1913, стр. 47). Об этом же обычае упоминает П. П. Мельников в романе «В лесах», ч. IV, гл. 1.

² См. Н. П. Черепнин, Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914, т. I, СПб., 1914, стр. 66, 72—75 и сл.; В. П. Быкова, Записки старой смолянки. 1833—1878, ч. 1, СПб., 1898, стр. VII. В БСЭ² (т. 39) дано неправильное сведение о том, что Институт был открыт при Смольном Воскресенском женском монастыре. Как уже сказано, институт ничего общего с монастырем не имел.